

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УКРАИНА НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО

UKRAINE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY IN THE EYES OF KONSTANTIN PAUSTOVSKY

ANTONI BORTNOWSKI

ABSTRACT. The beginning of 20th century was a very complicated period in the history of the Ukrainian territories. Konstantin Paustovsky spent his youth in the southern part of the Russian Empire and could observe all the historical processes happening to his country. In his autobiography *Story of a life* Paustovsky presents a very interesting view of Ukraine at the beginning of the 20th century and during the Russian Civil War. The author of this article analyzes Paustovsky's perception of Ukraine and tries to give an answer to the question of how a descendant of Zaporozhian Cossacks and Polish intellectuals could become a Russian patriot.

Antoni Bortnowski, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska,
murawski@amu.edu.pl

Константин Паустовский многим известен как певец русской природы. Чаще всего из учебников литературы вытекает образ писателя-романтика, который восхищается живописными пейзажами и в значительной степени посвящает себя философским размышлениям на тему внутренней красоты человека¹. Довольно редко отмечается факт, что Константин Паустовский был также внимательным наблюдателем исторических изменений, которые потрясли Россию в первой четверти XX века. *Повесть о жизни*, автобиографический цикл шести книг (*Далекie годы* – 1946, *Беспокойная юность* – 1954, *Начало неведомого века* – 1956, *Время больших ожиданий* – 1958, *Бросок на юг* – 1959–1960, *Книга скитаний* – 1963), охватывающий период с конца XIX до 30-х годов XX века, автор называл своим главным произведением. „Все, что я писал до это-

---

¹ См. P. F a s t, *Zjawiska spoza realizmu socjalistycznego*, [в:] *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, pod red. A. Drawicza, Warszawa 2002, с. 375.

го, было подступом к этой книге”², — говорил Паустовский. Большая часть жизненного пути писателя, художественно представленного в *Повести о жизни*, прошла на территории Украины. Константин Паустовский детство и юность провел в Киеве, Одессе и даже Юзовке (сегодняшнем Донецке), благодаря чему на страницах первых трех частей цикла открывается красочная панорама украинских земель как в дореволюционный период, так и в годы гражданской войны. К Украине писатель всегда имел особое отношение, о чем свидетельствуют его собственные слова:

В книгах почти каждого писателя просвечивается, как сквозь легкую солнечную дымку, образ родного края с его бескрайним небом и тишиной полей, с его задумчивыми лесами и языком народа. Мне в общем-то повезло. Я вырос на Украине. Ее лиризму я благодарен многими сторонами своей прозы. Образ Украины я носил в своем сердце на протяжении многих лет³.

Несмотря на столь важную для Паустовского роль страны юных лет, анализ первых частей *Повести о жизни* в советские годы проводился в значительной степени в ключе пути писателя к пониманию идеалов революции⁴.

Картина страны детства и юности, представленная Паустовским в *Повести о жизни*, кажется особо интересной благодаря позиции автора, далекого от каких-либо попыток навязать читателю „единственно правильную” точку зрения. В контексте анализа творчества Паустовского отмечается обособленность писателя по отношению к господствующему в годы его литературной деятельности соцреализму. Революция и попытки советской власти построить новое общество не были для Паустовского самоцелью и всегда подчинялись его моральным и этическим „сверхидеалам”, прежде всего принципам гуманности. В качестве подтверждения данных слов приведем фрагмент *Повести о жизни*: „Многое [в Октябрьской революции] я принимал, иное отвергал, особенно все, что казалось мне пренебрежением к прошлой культуре”⁵. Как видно, Константин Паустовский изначально отводил себе скорее роль наблюдателя, оценивая события со стороны. Выраженная в *Повести о жизни* формальная поддержка советской власти (обяза-

² Цит. по: Л. Лев и ц к и й, *Примечания*, [в:] К. Па у с т о в с к и й, *Собрание сочинений в 9-ти томах*, т. 4: *Повесть о жизни*. Кн. первая-третья, Москва 1982, с. 707.

³ К. Па у с т о в с к и й, *Золота троянда*, Киев 1957, с. 3–4.

⁴ См. Л. Лев и ц к и й, *Константин Паустовский. Очерк творчества*, Москва 1977, с. 242–283.

⁵ К. Па у с т о в с к и й, *Собрание сочинений...*, указ. соч., т. 4: *Повесть о жизни*. Кн. первая-третья, с. 518. В дальнейшем все цитаты из *Далеких лет*, *Беспокойной юности* и *Начала неведомого века* К. Паустовского приводятся по данному изданию с указанием в квадратных скобках после цитаты только номера страницы.

тельная для писателя того времени) выглядит не очень убедительно. Паустовский вроде бы впечатлен личностью Ленина, но во время одного из его выступлений в Москве предпочитает рассматривать фотографию прекрасной крестьянки, явно игнорируя пламенные речи вождя революции [561]. Писатель и восхищается красноармейцами, и явно сочувствует юнкерам. Паустовский сам ощущает неоднозначность своей позиции, пытаясь неоднократно оправдывать себя на страницах *Повести о жизни*. „Принять Октябрь целиком мне мешало мое идеалистическое воспитание. Поэтому первые два-три года Октябрьской революции я прожил не как ее участник, а как глубоко заинтересованный свидетель” [518]. Ведь если вдуматься в эти слова, получается, что только когда судьба белого движения была предрешена, Паустовский решил примкнуть к победителям. Далее писатель утверждает, что неоднозначное отношение к революции вызвано путаницей и лихорадкой тех лет. „События как бы отбросили меня на десять лет назад, в пору незрелых детских увлечений. Мне казалось, что я поглупел” [538]. Этот фрагмент, в котором зрелый советский писатель оценивает с высоты своих лет молодого Костю Паустовского, является характерным для двойственного повествования *Повести о жизни*. Как отметил Л. Левицкий, в первых трех частях цикла за лирическим героем стоит умудренный жизненным опытом автор, порой корректирующий поступки и размышления героя действующего⁶.

Попытка Паустовского воспроизвести чувства и переживания мальчика, а затем киевского гимназиста и студента, четко отделяя их от вмешательства зрелого повествователя, придает *Повести о жизни* значительный оттенок аутентичности. Благодаря такому положению вещей читатель может увидеть Киев и Украину первой четверти XX века глазами мечтающего о будущем юноши, лишенного политических предрасположений. „Украинский” этап жизни Константина Паустовского охватывает почти 30 лет. Писатель родился в 1892 г. в Москве, где проживали в то время его родители, вернувшиеся затем в 1898 г. на родину, в Киев. В столице тогдашней Малороссии будущий писатель закончил в 1912 г. Императорскую Александровскую гимназию (в то же время учился там Михаил Булгаков), а затем поступил в Университет св. Владимира. В период Первой мировой войны Паустовский побывал в Москве, служил в санитарном поезде в Польше, затем после Октябрьской революции вернулся через немецкий фронт в Киев, где пережил несколько переворотов. Писатель покинул город своей юности в 1919 г., вернувшись туда лишь ненадолго к матери и сестре в 1923 г.

⁶ Л. Левицкий, *Примечания*, [в:] К. Паустовский, *Собрание сочинений...*, указ. соч., т. 5: *Повесть о жизни*. Кн. четвертая-шестая, с. 570.

Образ Украины в *Повести о жизни* Паустовского особенно интересен, так как это, прежде всего, не взгляд советского писателя из Москвы, а восприятие родного пространства изнутри. Уже одно происхождение писателя в какой-то степени отображает красочность и одновременно запутанность украинской действительности того времени. Генеалогическое древо Паустовских органично вписывается в сложнейшее переплетение национальных стихий, формировавших лицо тогдашней Малороссии, превратившейся со временем в современную Украину. Отец писателя, Георгий Паустовский, происходил из запорожских казаков, переселившихся в район Белой Церкви. Там проживал дед писателя Максим, привезший с русско-турецкой войны в жены Фатиму, ставшую после крещения в православие Гоноратой, бабушкой будущего писателя. „Бабушку-турчанку мы боялись не меньше, чем дед, и старались не попадаться ей на глаза” [16] — вспоминает в *Повести о жизни* Паустовский. Вторая бабушка писателя была польской шляхтянкой. Викентия Ивановна всегда ходила в трауре, который надела после разгрома январского восстания 1863 г., а „портреты Пушкина и Мицкевича всегда висели в ее комнате рядом с иконой Ченстоховской божьей матери” [29]. В *Повести о жизни* появляется также дед Паустовского со стороны матери, Григорий Высочанский, считавший, что взбалмошность и беспечность его детям передалась от польской матери. Существуют предположения, что мог он быть потомком выходцев из Чехии⁷.

Кем же считал себя сам Паустовский, сын украинца с турецкой примесью и дочери польской шляхтянки? Казалось бы, в *Повести о жизни* писатель неоднократно прямо отвечает на данный вопрос. Когда Николай II, посещая киевскую гимназию, спрашивает у будущего писателя „вы малоросс?“, Паустовский отвечает утвердительно [226]. Далее в автобиографическом цикле появляется целый ряд высказываний, указывающих на неоднозначность и характерную для писателя двойственность также в этом вопросе. Вспоминая Первую мировую войну, Паустовский заявляет: „В те годы [...] я ощутил себя русским до последней прожилки” [315]. Затем, работая в санитарном поезде на фронте, он замечает, что польские плетни вьюнок обвивает, „как и у нас на Украине” [320]. Попав на Красную площадь, Паустовский пишет: „Это был Кремль. Россия, история моего народа” [232]. Затем писатель добавляет, что он „отчасти украинец” [369]. Симптоматично, что, по всей видимости, молодой Костик в этом вопросе не был исключением, так как его живущий за границей дядя „перед смертью [...] плакал при малейшем напоминании о России” и „просил прислать ему в конверте

⁷ С. В ы с о ч а н с к и й, *Наша семья. Ее прошлое*, [в:] электронный ресурс: <http://www.mirpaustowskogo.ru/magazine/mp-15/02-05.htm> (14.09.2015).

самый драгоценный для него подарок — засушенный лист киевского каштана” [50]. Сто лет спустя кажется немыслимым, что для кого-либо каштановый лист из Киева может быть напоминанием о родной России. Данный фрагмент во многом объясняет мнимые противоречия в вопросе самоидентификации Паустовского и раскрывает специфику тогдашней Малороссии. На ключ к пониманию восприятия Украины автором *Повести о жизни* может также навести то, что писатель ощущал себя одновременно и русским, и „киевлянином”⁸.

Киев начала XX века не только относительно редко появляется в произведениях русской литературы, но и практически совершенно отсутствует у украинских писателей⁹. Общеизвестным исключением среди этого „молчания” можно, пожалуй, назвать лишь *Белую гвардию* (1924) Михаила Булгакова. Значительно менее известной в данном контексте является *Повесть о жизни*, которая также написана киевлянином, современником и ровесником автора *Мастера и Маргариты*. Картина родного города в произведении Паустовского во многом дополняет картину Булгакова, расширяя ее во временном плане и добавляя элементы киевской действительности, отсутствующие в *Белой гвардии*.

Каким же является Киев Константина Паустовского, представленный в *Повести о жизни*? Город детства будущего писателя — это красочное и разнообразное пространство, полное контрастов. В нем с нарядными улицами, застроенными доходными домами, соседствуют районы лачуг, заселенных нищими. В *Повести о жизни* предстает перед читателем Киев поэтов и художников, культурный центр Российской Империи, в котором, однако, периодически вспыхивают еврейские погромы. Киев Паустовского — это многонациональный город, открывающийся перед читателями благодаря многим, представленным в *Повести о жизни*, персонажам. Среди них есть и еврейский друг писателя по гимназии Эмма Шмуклер и польская старушка Козловская, которую юный Паустовский почти каждое воскресенье провожал в костел [167], и, наконец, Амалия Кностер, бывшая немецкая гувернантка, у которой будущий писатель снимал комнату. Редкостью, в свою очередь, в окружении Паустовского были украинцы. Они впервые упоминаются в контексте удивления главного героя *Повести о жизни* разнообразием и раздробленностью студенческой среды Киевского университета. „Впервые я узнал о резких неистовых противоречиях между

⁸ К. Паустовский, *Собрание сочинений...*, указ. соч., т. 5: *Повесть о жизни*. Кн. четвертая-шестая, с. 308.

⁹ Среди немногочисленных произведений современной украинской литературы, действие которых разворачивается в Киеве начала XX века, следует выделить *Киевские ведьмы* (2005) Лады Лузиной, *Город с химерами (Місто із хімерами)*, (2009) Олеса Ильченко и *Киевские бомбы (Київські бомби)*, (2014) Андрея Кокотюхи.

большевиками и эсерами и меньшевиками, о бундовцах, дашнаках, „щирых“ украинцах и партии „Паолей Цион“. Но случилось, что представители всех этих партий объединялись против одного общего врага – студентов-„белоподкладочников“, членов черносотенного Академического союза. Схватки с „белоподкладочниками“ сплошь и рядом доходили до рукопашной, особенно когда в дело вмешивалось „Кавказское землячество“ [272].

Многонациональной была также среда Первой киевской гимназии, широко представленная в *Повести о жизни*. В каждом классе было по два отделения, но дети в них были разделены не по национальному, а скорее по сословному принципу. „В первом отделении учились преимущественно оболтусы – сыновья генералов, помещиков, крупных чиновников и финансистов. В нашем же, втором отделении учились дети интеллигентов, разночинцев, евреи и поляки“ [165]. Местная специфика касалась также уроков религии. Многие ученики, пользуясь любым поводом, чтобы удрать от грозного учителя „закона божьего“, прятались на уроках католического „закона“, где „уже была территория, как бы подчиненная апостолической церкви и римскому папе Льву XIII“ [98]. Там властвовал ксендз-каноник Олендский, рассказывая „любимую историю, как он служил в Варшаве панихиду над сердцем Шопена, запаянным в серебряную урну“ [99]. Представленный Паустовским образ гимназии показывает, что в многокультурном Киеве, несмотря на все пороки царской власти, хватало идейных учителей, которые умели, например, „снять пыль и грязь казенных слов и скучной зубрежки“ с русской литературы и стремились прививать своим ученикам прежде всего уважение к другому человеку и чувство справедливости вне зависимости от национальности. Об этом свидетельствует описанная Паустовским сходка, имевшая место перед выпускными экзаменами в 1912 г.

На нее созвали всех гимназистов нашего класса, кроме евреев. Евреи об этой сходке ничего не должны были знать. На сходке было решено, что лучшие ученики из русских и поляков должны на экзаменах хотя бы по одному предмету схватить четверку, чтобы не получить золотой медали. Мы решили отдать все золотые медали евреям. Без этих медалей их не принимали в университет [250].

Жизнь в те годы для евреев была тяжелой, что неоднократно отмечает Паустовский, воссоздавая на страницах *Повести о жизни* тревожные картины еврейских погромов.

Лиза сняла со стен иконы и поставила их на окна. На воротах нашего дома дворник Игнатий нарисовал мелом большой крест. Потом он запер ворота и калитку, и мы очутились как в крепости. Мама сказала, что в городе начался еврейский погром [119].

Паустовские, как и многие другие киевские семьи, прятали у себя евреев, а брат писателя, Боря, был даже членом студенческой боевой дружины, выступающей против зачинщиков погромов.

Характерным элементом киевской действительности того времени является в изображении Паустовского незначительное присутствие в городе украинского элемента. В принципе, в дореволюционном Киеве он ограничивается лишь пьесами в театре [61] и встречавшимися иногда на улицах города слепцами-лирниками [17]. Ситуация меняется лишь с началом революции, когда историческая стихия „вливается” в Киев, внося в жизнь его жителей полную неразбериху и утрируя сложившиеся веками противоречия.

Город детства Константина Паустовского — это словно остров, окруженный стихией истории. В *Повести о жизни*, так же, как и в *Белой гвардии*, появляется оппозиция „дом — история”, когда гимназист Костик в критические минуты испытывает почти те же чувства, что и семья Турбиных за кремовой шторой¹⁰: „Я опустил штору, разделся и лег. Я смотрел на толстые стены и думал, что этот двухэтажный дом похож на крепость” [117]. Паустовский к этой оппозиции добавляет дополнительное измерение — противопоставление Киева бушующей за его пределами истории, которая периодически вторгается в черту города, нарушая ритм его жизни.

Следует отметить, что Паустовский явно не относил Киев к Украине, свидетельство чего можно найти на страницах многих повестей его автобиографического цикла. Этот факт ощущается, несмотря на то, что Паустовский нигде не утверждает об этом прямым текстом. В *Далеких годах* мы узнаем, что Киев „окружен” богатой и ласковой Украиной [177]. Затем повествователь, путешествуя на юг России, заявляет, что „после Киева проплыла за окнами кудрявая, прогретая солнцем Украина” [353]. Получается, что Украина в глазах Паустовского начинается за городской чертой Киева. Даже гражданская война не переломила сложившегося обособления. „Казалось, что Киев надеялся безопасно жить в блокаде. Украина как бы не существовала — она лежала за кольцом петлюровских войск” [602]. Восприятие повествователем Киева, как части другого, русского мира, окончательно подтверждает фрагмент, в котором, описывая учителя французского языка, Паустовский вспоминает: „Он спрягал и склонял, поглядывая за окно, где падал с русского неба холодный белый снег” [171]. Это было в Киеве. А вот уже у дедушки под Белой Церковью можно было наблюдать „ленивые и пышные, настоящие украинские облака” [16].

¹⁰ См. М. Булгаков, *Белая гвардия*, [в:] его же, *Собачье сердце. Роман. Повести. Рассказы*, Москва 2005, с. 213.

В восприятии Паустовского не было единого украинского пространства в преобладающем сегодня смысле данного понятия. Он любил и восхищался Украиной, но не относил к ней ни Киева, ни, тем более, Юзовки или Одессы. Во всех этих городах украинский элемент если появлялся, то был лишь одним из элементов многонациональной и красочной городской панорамы. Украина же в *Повести о жизни* — это совершенно другой мир, далекий от городской цивилизации. Это необъятное пространство степей и лесов, которое живет по собственным сложившимся веками правилам. Оно полностью не подчиняется никакой власти, ни царской, ни белой или красной. Как пишет Паустовский, еще до революции периодически бродили по Украине неуловимые разбойничьи шайки [193]. В *Повести о жизни* появляются красочные описания украинской провинции, где так же, как и в городах тогдашней Малороссии, переплетаются различные национальные стихии. В *Далеких годах* повествователь вспоминает свое путешествие по Черниговской губернии: „В местечке по заросшим мхом крышам еврейских домов ходили козы. Деревянная звезда Давида была приколотая над входом в синагогу” [201]. Там же люди покупали не в магазинах, а в „склепах” [201] — наглядное доказательство присутствия польской специфики. Обитатели жили в своеобразной сложной и хрупкой гармонии. Специфика Украины касалась также религиозных убеждений, которые в описанные Паустовским времена были у многих довольно расплывчатыми. Свидетельствует об этом полученная главным героем отцовская телеграмма: „Привези из Белой Церкви священника или ксендза — все равно кого, лишь бы согласился ехать” [9].

Хрупкое равновесие на украинских землях легко рушит революция и гражданская война, приводя к хаосу и анархии. В простых людях вдруг просыпается грубая жестокость и нетерпимость, которые особенно опасны в столь неоднородной среде. Результат данного процесса ярче всего виден в повести *Свадебный подарок*.

К югу от Бобринской бушевала, гикала, грохотала на бешеных тачанках, открывала с ходу пулеметный огонь, свистела, грабила, насиловала женщин и драпала при первой же встрече с сильным противником украинская черная вольница [677].

Далее следует описание отступающего подразделениями Махно, со всей сопутствующей ему бессмысленной жестокостью, от которой мирные жители станций, оказавшихся на пути его состава, поголовно скрывались в степи, где молились, чтобы батько не решил у них остановиться [680].

Как уже было сказано, исторические потрясения не обходят стороной также Киев, где особенно интересным с точки зрения анализа взглядов Паустовского является момент прихода в город отрядов Пет-

люры. В отличие от поддерживаемого немцами гетмана Скоропадского, по мнению повествователя, только прикидывающегося украинцем, в городе появляется „щирая“ Украина [621], та, которая ранее была за пределами города. „В первые дни петлюровской власти опереточные гайдамаки ходили по Крещатику со стремянками, влезали на них, снимали все русские вывески и вешали вместо них украинские“ [623]. Паустовский в *Повести о жизни* резко высказывается против петлюровского украинства, воспринимая его в Киеве как что-то неестественное и чужеродное.

При Петлюре все казалось нарочитым — и гайдамаки, и язык, и вся его политика, и сивоусые громадяне-шовинисты, что выползли в огромном количестве из пыльных нор [623].

Некогда блестящий Киев превратился в увеличенную Шполу или Миргород [...]. Все в городе было устроено под старосветскую Украину, вплоть до ларька с пряниками под вывеской „О це Тарас с Полтавщины“ [629].

Приведенные фрагменты в очередной раз подтверждают, насколько, по мнению Паустовского, чужеродным явлением в Киеве была украинская (особенно народная) культура. Та самая, которая вызывала восторг писателя за пределами родного города. Отсутствие целостного восприятия Украины сочетается у Паустовского с убеждением о неделимости другого пространства — России. Именно эта позиция является „ключом“ к пониманию идентичности писателя и его взглядов на ход истории. Россия, не важно, царская или советская, была для автора *Повести о жизни* единым пространством, общим знаменателем для всего его разнообразия. Понятия русский и украинец в его творчестве не исключают, а дополняют друг друга. Это также объясняет его полное непонимание стремлений Украины к независимости. Исходя из убеждений автора *Повести о жизни*, это просто измена родине.

Константин Паустовский в своем автобиографическом цикле начертил картину Украины начала XX века, описывая исторические потрясения, которые даже на фоне гражданской войны в России выделялись особой жестокостью и непредсказуемостью. Одной из причин такого развития событий стала показанная Паустовским изнутри специфика тогдашней Малороссии, раздробленной страны с запутанной самоидентификацией. Сегодняшние события на Украине показывают, что сто лет спустя до преодоления такого положения вещей еще далеко.

Библиография

- Булгаков М., *Белая гвардия*, [в:] его же, *Собачье сердце. Роман. Повести. Рассказы*, Москва 2005.
- Высоцкий С., *Наша семья. Ее прошлое*, [в:] электронный ресурс: <http://www.mirpaustowskogo.ru/magazine/mp-15/02-05.htm> (14.09.2015).
- Левицкий Л., *Константин Паустовский. Очерк творчества*, Москва 1977.
- Левицкий Л., *Примечания*, [в:] К. Паустовский, *Собрание сочинений в 9-ти томах*, т. 5: *Повесть о жизни*. Кн. четвертая-шестая, Москва 1982.
- Паустовский К., *Золота троянда*, Киев 1957.
- Паустовский К., *Собрание сочинений в 9-ти томах*, т. 4: *Повесть о жизни*. Кн. первая-третья; т. 5: *Повесть о жизни*. Кн. четвертая-шестая, Москва 1982.
- Fas t P., *Zjawiska spoza realizmu socjalistycznego*, [в:] *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, pod red. A. Drawicza, Warszawa 2002.